

А. Ю. Хабутдинов

Концепция «миллет» у татар на рубеже 19–20 веков.

На протяжении более двух веков после уничтожения Казанского ханства в 1552 г. российское государство отказывалось признать как официальный статус религии ислама, так и стабильное положение мусульманской элиты Волго-Уральского региона. Такое состояние вакуума власти наряду с периодическими попытками насильственного крещения рождало вооруженное противостояние мусульман региона с российскими властями. Это положение было изменено Екатериной II в 1760–1780-е гг., признавшей свободу вероисповедания и создавшей привилегированные группы татарского общества: дворянство (на территории башкирских кантонов), духовенство и буржуазию. Конечным этапом этого развития стало создание Милли Идарэ (правительства национально-культурной автономии) и провозглашение Штата Идель-Урал в 1917–1918 гг. Таким образом, на протяжении всего данного периода мы можем говорить об истории татарской нации как структуры Нового времени.

В этот период татары могут рассматриваться как группа, обладающая двойной идентичностью. Они признавали себя подданными немусульманского российского государства и в то же время продолжали оставаться частью мусульманской уммы. Российские императоры сменили османского султана и халифа в качестве политического, а муфтии — в качестве религиозного лидера. Вместе с тем на протяжении этого периода права и обязанности мусульман округа Оренбургского Духовного Соборания отличались от прав и обязанностей православного населения. Мусульманская и христианская общины наряду с религиозными отличиями продолжали сохранять собствен-

ные обычаи и правовые нормы, группы элиты, образовательную систему и фактически не смешивались в сфере семейно-брачных отношений.

Согласно теории формирования наций, не имеющих собственной государственности, разработанной чешским историком Мирославом Грохом, существуют три стадии создания нации:

Фаза А — период научного интереса к языку, истории, культуре нации, где ведущую роль играет группа интеллектуалов;

Фаза Б — период патриотической агитации, когда группа активистов занимается распространением национального самосознания путем агитации;

Фаза В — подъем массового национального движения, когда национальное самосознание становится заботой широких масс и национальное движение имеет стабильную организационную структуру, распространяющуюся на всю территорию (или нацию — *А. Х.*).

Именно на последнем этапе складывается массовое общественное движение, так как «национализм в своей основе, это массовое чувство, к которому апеллируют элиты, а не создание интеллигенции»¹. Применительно к татарам фаза А начинается с 1820-х гг. (деятельность Хальфиных и Г. Утыза-Имяни по опубликованию памятников истории и литературы) и особенно с 1870-х гг. (деятельность Ш. Марджани, К. Насыри, начало деятельности И. Гаспринского). Фаза Б совпадает с периодом 1900–1905 гг. Фаза В на уровне общероссийской мусульманской элиты охватывает период Российской революции 1905–1907 гг., однако реакция разрушает либеральные структуры в лице партии «Иттифак», партийной прессы и всероссийских мусульманских съездов. Происходит возвращение к преимущественно просветительским формам. Создание общественного движения, имеющего стабильную организационную структуру, распространяющуюся на всю территорию (или нацию), собственно у татар происходит с формированием Милли Идарэ в июле 1917 г.

На первоначальном этапе развития мусульманское татарское общество Европейской России и Сибири было выделено российским государством в форму Духовного Соборания, близкую к миллету. По определению «миллет —

это форма церковного и религиозного самоуправления, применяющая обычное право, особенно по отношению таких факторов личного статуса, как брак, развод и наследование». Основатель национальной историографической традиции Шигабетдин Марджани сравнивал институт Духовного Соборания с Шейх-уль-Исламами и казьями Румелии и Анатолии в Оттоманской Империи². Тем самым, предки современных татар были выделены не по этническому, а по религиозному признаку. Целью создания Соборания стало поддержание эффективного контроля через механизм *indirect rule* (непрямого правления), преимущественно в религиозной, образовательной и экономической сферах. Соответственно общим самоназванием для членов миллета было «мусульмане».

Среди татар существовали две основные модели развития нации, которые обозначаются, как западная концепция гражданской нации и восточная концепция этнической нации. Первая модель предусматривала создание религиозной автономии с шариатским судом и поддерживалась, начиная с 1767–1769 г. с требований депутатов–татар в Уложенной Комиссии. В 1788 г. контуры татарской нации были определены миллетом Оренбургского Духовного Соборания. Концептуально модель гражданской нации берет начало в идеях Ш. Марджани о религиозной автономии и равноправии мусульман с христианами. Здесь ученый первым из татар ставит вопрос о гражданской лояльности мусульман Волго-Уральского региона при условии соблюдения их прав со стороны российского государства. При этом самоназвание «татары» у Ш. Марджани во многом копировало употребление этого термина именно со стороны российского государства и обозначало мусульман-потомков населения как минимум Казанского и Астраханского ханств. Эта традиция продолжается в доктрине либералов: в идее Исмагила Гаспринского о нации российских мусульман (потомков Золотой Орды) и в концепции Милли Идарэ и Миллет Меджлисе у Садри Максуди. Используя терминологию Эрика Хобсбаума, можно отметить, что, начиная с Ш. Марджани, у татар закладывались традиции первого типа, которые «устанавливали или символизировали

социальную связь, членство в группах, подлинных или искусственных общинах»³. У татар не существовало местных законов, и юрисдикция Духовного Собрания распространялась на всех членов общин одинаково. Высшим апелляционным судом было Духовное Собрание. Муфтий и казии имели право на издание фетв—законодательных актов в пределах компетенции Собрания. Организация татарского общества строилась по законам Шариата, утверждавшим равенство всех мужчин. Теоретическим выразителем этого равенства у богословов являлась идея Шура (Совета), то есть собрания всех мусульман. Для светских лидеров идея демократии основывалась на принципе тюрко-монгольского Курултая. Нарушение равенства внутри общины рассматривалось как отход от норм Шариата. Например, наличие крепостных-мусульман (коллар-рабов) у чингизидов Тевкелевых рассматривалось как факт нарушения норм Ислама⁴. Татары стремились превратить Собрание в автономный орган, то есть центр общенационального политического развития. Окончательно эта идея была реализована в мае 1917 г. В июле этого же года было создано общенациональное правительство в лице Милли Идарэ, а в декабре — была провозглашена Конституция нации, получившей название «мусульмане тюрко-татары Внутренней России и Сибири.

Восточная концепция этнической нации берет начало в творчестве Каюма Насыри с его ориентацией на средние и низшие слои, разработкой разговорного языка, этнографическим описанием татарских обычаев и традиций и продолжается прежде всего татарскими социалистами и/или татаристами. Ее предпосылками были идеи об общем этническом происхождении мусульман Волго-Уральского региона. В XVIII–XIX веках это болгарское происхождение у абызов, Хисаметдина Муслими и вайсовцев. В XX веке она находит отражение в социалистических идеях вначале у Рашида Ибрагима (исламизм), Гаяза Исхаки и «тангчылар» (татаризм), затем кружка «Татар учагы» и группы Галимджана Ибрагимова (татаризм). Наиболее полное воплощение идея этнического национализма у татар нашла в идее государства тюркской расы — Турана у Юсуфа Акчуры и Мирсаида Султан-Галиева.

Теоретики политического движения мусульман России начала XX века использовали термин «нация» в значении, принятом после Великой Французской революции. По утверждению Энтони Смита, «при якобинцах, например, французский национализм был в своей основе гражданским и территориальным; он проповедовал единство республиканского отечества и братство его граждан в политико-правовом сообществе»⁵.

Поэтому, например, И. Гаспринский и С. Максуди говорили не о тюркской нации (Nation), а использовали термины «народность» или «национальность» (Nationalite) и говорили о российских мусульманах именно как о политико-правовой общности, отличной от христиан. В 1955 г. С. Максуди (Арсал) приводил следующее различие между терминами Nation и Nationalite: «Понятие «Nation» обозначает народ, живущий в пределах одного государства. «Nationalite», независимо от гражданства в том или ином государстве — это общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру и историю и желающих существовать как независимая политическая сила»⁶.

Юсуф Акчура и Ахмед Агаев в период пребывания в Турции, наоборот, предпочитали сравнивать процесс образования нации тюрков России с процессами создания национальных государств в Европе. Возможно, что различие позиций определялось и цензурными условиями. Теория тюркизма была сформулирована татаринем Ю. Акчурой и азербайджанцем А. Агаевым на основе французских политических концепций и, прежде всего, идеи политической нации и расы (ирк)⁷. В 1904 г. Ю. Акчура написал работу «Три политические системы» («Уч тарз-и сеясят»). В ней он поддержал идею создания политической тюркской (турецкой) нации на основе расы. Ю. Акчура писал, что ранее идея тюркского единства разрабатывалась в основном на уровне языкового и культурного единства⁸. Он выдвинул идею о плодотворности только тюркского единства, как единства языка, расы, обычаев и морали, а для абсолютного большинства и религии. При этом оттоманское правительство должно было сыграть роль самого могущественного, модернизирован-

ного и цивилизованного из тюркских обществ⁹. А. Агаев в 1911 г. в статье «Тюркский мир» выдвинул теорию об аналогичности процесса создания тюркской нации у мусульман России с созданием наций-государств в Европе. Он указывает, что «Nationalisme» (национализм) возник после Французской революции 1789 г. и был привнесен на мусульманскую почву европейскими учителями. Наиболее близкими процессами с созданием национальной общности тюрков-мусульман России А. Агаев считает объединение Германии и Италии и завоевание независимости Балканскими государствами, то есть процесс превращения этнических общностей в нацию-государство (nation-state). Важнейшими процессами, приведшими к образованию нации мусульман России, А. Агаев считал культурное и языковое единство и социальную стратификацию общества¹⁰.

Таким образом, общественное движение мусульманских народов России на рубеже XIX–XX веков рассматривалось его теоретиками как движение, направленное на создание единой нации мусульман России. При этом в качестве образца мусульманской элитой был выбран европейский вариант национализма, то есть гражданский национализм. Татары, начиная с Ш. Марджани, ориентировались именно на гражданскую, а не этническую модель национализма. Однако идея этнического национализма, усугубленная гражданским неравноправием мусульман и религиозными различиями с основной частью российского населения, также имела основы среди средних и низших слоев населения.

Пиком политического движения мусульман России начала XX века стал III Всероссийский Мусульманский съезд, состоявшийся 16-21 августа 1906 г. Первое выступление на съезде сделал основатель татарского политического движения Р. Ибрагим. Он призвал к единству и братству всех мусульман по примеру ансаров и мухаджиров, то есть первых мусульман. Ибрагим выступил за то, чтобы мусульмане России положили начало политическому единству всех мусульман, то есть «умма исламия»¹¹. Позиция Р. Ибрагима является характерной для поколения национальных деятелей 1860–1880-х гг.,

предшествующих джадидам. Эта группа ориентировалась на противостояние миссионерству и опиралась на финансовую поддержку исламской буржуазии. При этом вопросам собственно политической деятельности по европейским стандартам, в силу российских условий, почти не уделялось места.

Сходную с Р. Ибрагимом позицию занял имам и мударрис Галимджан Баруди, призвав сконцентрироваться на вопросах защиты религии светскими средствами. Купец Ахмеджан Сайдашев утверждал, что не действуют даже имеющиеся законы, и «везде начальники для своих райя» (здесь подвластное население — *А. Х.*) являются законом». А. Сайдашев заявил, что «драгоценный Коран и Сунна пророка являются для нас единственной программой». Он призвал старшее поколение и молодежь объединиться во имя прогресса¹².

Следующей ключевой проблемой, стоявшей на повестке дня, было обсуждение реформы Духовного Собрания. В итоге было принято решение о создании пяти муфтиятов в основных мусульманских регионах России и формировании высшего теологического органа во главе с Раис аль-улама — главой религиозной автономии в ранге имперского министра. И. Гаспринский призвал к тому, чтобы автономию возглавили Г. Баруди и Ю. Акчура. Таким образом, муфтием должен был стать улем, а его помощником—юрист. Такое распределение власти гарантировало взаимодействие и сотрудничество светской и духовной элиты в управлении нацией при формальном провозглашении чисто религиозной автономии. Мударрис Ахмеджан Мустафа заявил, что мусульманам не нужны муфтий и муфтият, назначенные правительством. Основной задачей муфтия должна стать реформа Духовных Собраний и школ. При этом должны быть изданы фетвы, обеспечивающие прогресс нации. «Тангчы» (аграрный социалист) Гаяз Исхаки потребовал прямого избрания народом раиса, муфтиев и казыев¹³. Трудовик Хади Атласи выступил за создание института единого муфтия, ссылаясь на слова Ш. Марджани: «В Исламе не должно быть двух лидеров (раис). Если лидеров будет больше, то настанет раскол». Г. Баруди заявил, что реальная власть будет в руках од-

ного лидера, так как «в Исламе не должно быть двух падишахов, но могут быть наместники (вали)». Пять муфтиев образуют единый центр¹⁴.

Политический доклад и программа партии либеральной партии «Иттифак» были представлены Али-Марданом Топчибашевым. Либералы И. Гаспринский и Ю. Акчура назвали основными ориентирами объединение всех мусульман вокруг органа религиозной автономии, а не партийной программы.

Ю. Акчура призвал к единству всех мусульман: «Цель наша — объединить большинство мусульман России, создать политическую партию, повысить силу, влияние и авторитет перед русскими партиями»¹⁵. Таким образом, от имени либералов Ю. Акчура требовал создания единой партии, как единственного способа защиты политических интересов мусульман. Примерами для такой партии он считал национальные партии чехов и поляков в Австро-Венгерской Империи. Его оспаривали лидеры «тангчылар» Г. Исхаки и Ф. Туктаров, выступавшие за создание национальной социалистической партии в противовес национал-либеральному «Иттифаку». Они стремились опереться на среднюю и мелкую буржуазию, низшие слои интеллигенции (мугаллимов), учащихся. Ф. Туктаров утверждал, что необходимо принимать не изолированные постановления по вопросам религии и образования, а целостную программу, включающую такие важнейшие проблемы, как развитие наук, образования, религии и политической деятельности¹⁶.

По программе реформы управления духовными делами в России создавались пять Махкама-и-Исламия (Мусульманских Собраний), включая два на Кавказе, Оренбургское, Таврическое и Туркестанское. Им передавались все религиозные дела мусульман, включая контроль над медресе, мечетями и вакфами, утверждение духовных лиц и судопроизводство по вопросам никаха, талака и мираса. Средний уровень должны были составлять губернские и уездные медресы духовенства. Главой мусульман России избирался Раис уль-улама с правом личного доклада Императору. Все духовенство избиралось только мусульманами¹⁷. Рекомендация И. Гаспринского провозгласить Раис-уль-Улама Г. Баруди обозначала открытый разрыв с муфтиятом и всей

системой официального религиозного устройства. Однако татарское духовенство, поддержанное буржуазией, было уже принципиально готово к переходу к религиозной автономии. Казанский имам и мударрис Габдулла Апанай возглавил образовательную комиссию. Она приняла решение о введении всеобщего начального образования на родном языке. В средней школе языком преподавания становился «тюрки»¹⁸.

Во II Думе была принята программа мусульманской фракции, практически повторяющая программу «Иттифака», но в качестве общенационального центра предлагалась мусульманская фракция Государственной Думы, то есть фактически светская элита, прежде всего в лице мурз Уфимской губернии, рассматривала себя в качестве общенациональной элиты¹⁹. Программы «Иттифака» и фракции представляют собой политические программы либералов, ориентированные на создание конституционного государства и органов местного самоуправления. Они близки к программе российских кадетов, созданной по примеру либеральных партий конституционных государств Европы. В отличие от этих программ, «Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде» направлены на создание структур религиозной автономии в рамках существующего государства и подчинение школ местным общинам и Всероссийскому Союзу Учителей. Целью постановлений было превращение отдельных этнических групп и местных Духовных Собраний в единую административную структуру — миллет мусульман России.

Параллельно с либеральным движением развивалось и социалистическое движение. Единственной группой, оказавшейся в состоянии перейти от радикализма ученических кружков и обеспечить политическую преемственность, оказалось движение «тангчылар». Его лидер Г. Исхаки и его соратники стремились создать независимое политическое движение. Они первыми создавали основу для массовой социалистической партии XX века у татар. 18 мая 1906 г. в Казани выходит в свет первый номер газеты «Танг йолдызы» («Утренняя звезда»), где провозглашается программа религиозной и националь-

но–культурной автономии, как и у либералов²⁰. В статье «Открытое письмо татарским членам Государственной Думы» «тангчылар» называли себя социалистами-автономистами и сторонниками федерации. Они считали, что в случае победы революции «татарам легко будет получить свои права». «Тангчылар» были также принципиальными противниками единого государственного языка и требовали равноправия языков²¹.

После поражения революции 1905–1907 гг. общественное движение приобретает новые формы и лозунги²². Ряд улемов и миссионеров стремились придать новую актуальность лозунгу исламского единства, а не только единству мусульман России. В книге Р. Ибрагима «Бин бир хадиси шариф шархи» («Толкование тысячи и одного священного хадиса») (1907 г.) говорилось, что «у нас вера и «миллет» составляет одно... если мы потеряем свою обособленность, то будем совершенно стерты, сделаемся ничем». В политической сфере утверждалось, что «все мусульмане составляют одну нацию»²³.

17 апреля 1911 г. в Уфе состоялось собрание мусульманской элиты, посвященное предстоящим выпускным экзаменам. С речью выступил ректор медресе «Галия» Зыя Камали, ранее обучавшийся в Каирском университете «Аль-Азхар» у Мухамада Абду. Он призывал, чтобы, подобно эпохе Мухамада, в Медине для совета могли собраться мусульмане различных государств. Там они бы могли «поговорить и посоветоваться в каких бы то государствах ни было, если притесняют наших братьев... то общими силами бороться с правительством и вернуть обратно все свои прежние права и преимущества, которые у нас ныне утеряны»²⁴. В своем выступлении З. Камали излагает идею исламского единства, если не в форме создания единого халифата, то в форме образования своеобразного общемусульманского парламента — Шура, по образцу Совета первых веков хиджры. Как и социалисты, он сводит противостояние между русскими и татарами к противостоянию между рабочими и бюрократией. Таким образом, З. Камали, как и Р. Ибрагим, был сторонником концепции исламского социализма и антиколониальной рево-

люции. Как уже указывалось выше, идея федеративной республики, то есть национального аппарата, была заложена и в программе «тангчылар».

Основным теологом, занимавшимся вопросами богословского обоснования национальных реформ стал Риза Фахретдин. В 1906 г. после отказа муфтия М. Султанова провести реформу Духовного Собрания он покинул пост казья (кадия) и возглавил журнал «Шура» в Оренбурге. Фахретдин создал ряд биографий философов, писателей, общественных деятелей и благотворителей, как образцов для подражания со стороны других мусульман. Риза казый писал, что великие улемы Ибн Рушд, Маари, Газали и Ибн Араби трудились во имя своей нации, Родины и религии²⁵. Таким образом, наряду с традиционным исламским понятием «умма» Фахретдин выдвигает такое понятие, как «миллет» — нация.

В 1914 г. Р. Фахретдин выпустил книгу «Дини вэ иджтимагый мэсьэле-лэр» («Религиозные и общественные вопросы»), анализирующую позицию мусульман по отношению к реформам. Само название работы говорит о необходимости синтеза религиозных и светских основ для развития исламской нации. В реформе права «основные правила» зиждились на суннитской доктрине, заключающейся в том, что «Коран и сунна напрямую должны быть потребностью и доказательством для мусульманских правителей». Основным источником реформы права становилась «иджма», которая «выражается в согласованном вынесении решений по реформам своего времени». При этом наряду с мнениями улемов она учитывает позиции «глав благотворительных обществ, воинских командиров и глав других организаций, адвокатов и докторов, инженеров и торговцев, редакторов и писателей, рабочих». Шура-Совет, принимающий правовые решения, превращается в орган мусульманской общины Нового времени. Шура должна действовать в соответствии с реалиями экономики и культуры и представлять собой союз всех классов и обществ²⁶. Эта идея в 1917 г. во многом легла в основу создания Миллет Меджлисе, местных мусульманских комитетов и бюро, которые представлял союз всех вышеупомянутых групп национальной элиты. Р. Фахретдин создал

работу, ориентируясь на условия всего мусульманского мира. Он определил миллет мусульман России как часть мусульманской уммы.

После исключения из думской деятельности даже Садри Максуди задавался вопросом о единстве мусульманского мира. По агентурным данным КГЖУ, он в ноябре 1913 г. утверждал: «Мусульмане всего света стоят почти на одном культурном уровне, имеют одинаковую психологию и уклон в жизни, а Ислам нуждается в реформе. Поэтому мусульманский Лютер мог бы одинаково оказать громадное влияние на мировое мусульманство. И реформаторы явятся, так как это назревшая потребность мусульманства»²⁷. С. Максуди соглашается с идеей создания халифата, в виде союза мусульманских государств, обладающих развитой экономикой и способных отстоять свою независимость. Таким образом, даже самый европеизированный из татарских общественных деятелей, высоко оценивавший цивилизаторскую роль Англии в мусульманском мире, ставил вопрос об окончании эпохи колониального владычества.

Следовательно, сходные идеи о единстве мусульманского мира в форме создания Шура-и-умма и о появлении единого исламского лидера на рубеже 1900–1910-х гг. высказывали не только сторонники исламского единства в лице Р. Ибрагима и З. Камали, но и либерал С. Максуди. Татарская национальная элита понимала необходимость модернизации общественных институтов в сферах создания парламента, провозглашения конституции по образцу европейских государств, при параллельном сохранении единства исламской уммы с ее догматикой и моральными основами. Именно в этом моменте мы можем говорить об интеллектуальном влиянии таких модернизаторов Ислама, как Джамалетдин Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида и Абдуррахман аль-Кавакиби. Эти взгляды обозначали отход от традиционной исламской и оттоманской концепции миллета как автономного конфессионального традиционалистского образования в пользу создания постоянно модернизирующейся нации европейского типа. Эта задача занимала центральное место в деятельности татарских национальных лидеров после поражения российской

революции 1905–1907 гг., особенно младотурецкой революции 1908 г., вплоть до уничтожения Милли Идарэ в 1919 г. Татарские теологи и прежде всего Р. Фахретдин выполнили историческую задачу богословского обоснования этих реформ. Практическая реализация этих постулатов частично осуществлялась в деятельности Милли Идарэ как единого органа, объединяющего в себе структуры как светской, так и религиозной автономии. Целый ряд мусульманских политических деятелей в период 1907–1914 гг. ставил вопрос о создании единых общемусульманских органов, хотя бы на уровне Совета всей уммы — Шура. Эти органы должны были обеспечить технический прогресс мусульман по образцу европейских государств. Среди простого населения была популярна идея о мощи оттоманского оружия и о поражении России в войне с Турцией, по аналогии с результатом русско-японской войны. Основными причинами такого рода настроений являлись отсутствие равноправия с русским населением у мусульман России, отсутствие органов религиозной автономии как посредников между мусульманами и администрацией, минимальное представительство мусульман только ряда регионов в Государственной Думе, отсутствие государственной школы на родном языке.

16 ноября 1909 г. при обсуждении правительственного законопроекта о неприкосновенности личности Садри Максуди выступил сторонником классического французского определения политической нации как общности граждан государства. Оратор утверждал, что «в каждом государстве есть, так сказать, политический титул — американец, француз и т. д., но в каждом государстве существует масса национальностей, которые во имя своих традиций, своих особенностей быта, которые у них существуют, отстаивают и будут отстаивать свои традиции, и в этом смысле я татарин и защищаю свой быт, — но политически я русский гражданин»²⁸.

С. Максуди определял нацию как культурную общность, обладающую правом свободного культурного самоопределения, но являющуюся членом единого государственного организма. Он утверждал, что «для России... го-

сударственные интересы могут заключаться... в том, чтобы самые насущные интересы всех народностей были удовлетворены в такой мере, чтобы от этого государство не пострадало»²⁹.

В полемике с правыми депутатами С. Максуди стремился объяснить им, что «до тех пор, пока вы не поймете, что существующие в России национальности имеют такое же право на самостоятельное существование, как вы..., вы не в состоянии будете управлять государством». Он сделал вывод: «управлять государством может только такая партия, которая имеет представление о том, что существует в государстве»³⁰.

В конце 1900-начале 1910-х гг. для джадидов было характерно признание и российской идентичности. Большинство историков уделяло место гражданской лояльности. Улем и казый Хасан-Гата Габяши определяет нацию как «российские тюрки»³¹.

В конце 1913 г. «Анг» поместил анкету для молодежи, посвященную перспективам развития татарской нации. В своей анкете Галимджан Шараф утверждал: «национализм, как в настоящей жизни народа, так и в истории имел громадное значение: процветание или падение государства в большинстве случаев происходило от процветания или падения национальных чувств». Об ориентации татар он придерживался следующего мнения: «мы — татары, мы — северные тюрки, мы — тюрки, мы приняли религию Ислама, находимся в подданстве России... Национализм должен принудить быть, прежде всего, татаринном... и только после этого... вообще человеком». Г. Шараф рассматривал национализм как массовое движение, объединяющее всех членов нации. Принадлежность к нации не должна была сводиться ни к религиозной, ни расовой, ни государственной принадлежности. Национальная принадлежность должна превалировать над всеми ими³².

В 1908–1916 гг. происходит распад общественного движения мусульман России на движения отдельных этнических групп, обладающих собственной элитой, языком, литературой и историческими концепциями. Социалистическое движение становится основным идеологическим направлением среди

молодой светской интеллигенции. Осознание татарской этнической и российской гражданской идентичности являлись логичным результатом возрастания значения светского фактора.

В июле 1917 г. на совместном заседании казанских съездов было решено, что Духовное Управление входит в состав в Милли Идарэ (Национального Управления) на правах религиозного министерства (диния назарат), сохраняя свою структуру. Однако его полномочия, устав и кадровый состав были утверждены Миллет Меджлисе. Так на общенациональном уровне была завершена дискуссия о соотношении религиозной и светской власти. Единая нация получила наименование «тюрко-татары мусульмане Внутренней России и Сибири». Само данное название представляло собой компромисс между гражданской лояльностью (Россия), территориальным признаком (Внутренняя Россия и Сибирь), религией (мусульмане), расой (тюрки) и нацией (татары). Следет отметить, что организации, включившие в свое название этноним «татары» впервые появились в Уфе после структурирования башкир как политической общности в мае 1917 г. Термин «татары» вошел в название двух левых социалистических организаций: татарские левые эсеры и Татарская социал-демократическая рабочая партия.

В 1917 г. основные дискуссии о тюркском единстве и статусе татар разгорелись в Миллет Меджлисе (Национальном Собрании), где о создании партии заявляли две группировки: тюркисты и татаристы (территориалисты). Фракция тюркистов выражала интересы преимущественно ветеранов национального движения 1900-х гг. В вопросе территориальной автономии они оставляли решение о провозглашении Штата за Учредительным Собранием. Национально-культурная автономия должна была осуществляться при любом развитии ситуации в России. Лидеры фракции во главе с С. Максуди были сосредоточены на деятельности в Милли Идарэ³³. Татаристы, представлявшие преимущественно молодое поколение социалистов, были приверженцами идеи территориальной автономии в лице Штата Идель-Урал. Фактически с самого начала в группировке существовал раскол между казанской груп-

пой, сконцентрированной вокруг Харби Шуро (Военном Совете), Мусульманском Социалистическом Комитете) и части Казанского Милли Шуро (Национального Совета), и уфимской группой–левой фракцией Уфимского Милли Шуро–татарскими левыми эсерами, возглавляемой Г. Ибрагимовым. Каждая из этих групп боролась за власть в Штате и за создание его столицы соответственно в Казани или в Уфе.

5 января 1918 г. Всероссийское Учредительное Собрание провозгласило Российскую Федеративную Республику. 6 января Миллет Меджлисе был создан ее субъект — Штат Идель-Урал. Таким образом, была провозглашена территориальная автономия татарской нации. Ее основным принципом было равноправие всех народов при соблюдении их религиозной и национально-культурной автономии. Таким образом, на уроне Штата конструировалось его гражданское сообщество, объединяющее представителей всех этносов края, при учете их религиозной и культурной самостоятельности. Штат Идель–Урал рассматривался как один из субъектов российского федеративного государства. Депутаты Миллет Меджлисе создали Штат для сохранения парламентской формы правления в противовес власти Советов. Комиссия по территориальной автономии (КУВШ) должна была обеспечить созыв съезда в Уфе для принятия конституции и создания правительства Штата. Преобладание в КУВШ получили представители Казани (губернское Милли Шуро, Харби Шуро и МСК). «Татарчылар», получив полный контроль над КУВШ, фактически взяли на себя всю полноту ответственности за создание территориальной автономии³⁴. Однако сторонники Г. Ибрагимова и пробольшевистская часть МСК совместными усилиями сорвали провозглашение Штата в ночь на 1 марта 1918 г. После этого развитие нации стало связано уже с эволюцией Советского режима.

Таким образом, в начале XX века происходит постепенная эволюция от концепции миллета как коллектива единоверцев, обладающего определенной автономией и особым правовым статусом, в сторону европейской концепции самостоятельной нации, прежде всего в форме национально-культурной ав-

тономии. Параллельно ряд протюркски и происламски настроенных политиков преимущественно социалистического спектра развивали идею о создании союза мусульманских и/или тюркских народов. Социалисты особенно после Октябрьской революции 1917 г. ориентировались на создание Штата в рамках российского федеративного государства. Однако в течение всего этого периода состав татарской нации определялся на основе исламской идентичности, а духовенство оставалось одной из групп национальной элиты. На протяжении этого периода термин «миллет» эволюционировал от автономного коллектива единоверцев-монотеистов до «нации» в современном понимании. Однако разные слои населения вкладывали в этот термин различное содержание, что приводило к политическим манипуляциям. Современное значение «миллет» как нации укоренилось в татарском языке только в 1920-е гг. под влиянием коммунистов, руководствовавшихся позитивистской доктриной и отрицавших определяющую роль религиозного фактора для эволюции татар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Conner W.* Eco- or ethnonationalism // *Ethnic and racial studies.* — Vol. VII. —1984. —P. 357; *Hroch M.* The formation of national elites: Comparative studies on governments and non-dominant ethnic groups in Europe. —Vol. VI.—Dartmouth, 1992. pp. 23—25.
2. *Ra'anan Uri.* The national fallacy // *Conflict and peacemaking in multiethnic societies.* —New-York, 1991.—p. 17; Мэржани Ш. Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. — Казань, 1900. —С. 285.
3. *Hobsbawm E.* The invention of tradition // *The invention of tradition.* Edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. — Oxford, 1983. — p. 9.
4. *Мэржани Ш.* Аль-кыйсме ас-сани. С. 310.
5. *Smith A.* National identity. — Reno, 1993.
6. Цит. по: *Арсал Максуду С.* Миллият тойгысынын социологик эсаслары. — Казань, 1999. —С. 39.
7. *Georgon F.* Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876—1935). —Paris, 1980.—p. 21; Тэн И. Философия искусства: Живопись Италии и Нидерландов.—М., 1995. —С. 9.
8. Цит. по: *Akcura Y.* Le trois systemes politiques // *Georgon F.* Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876—1935). —Paris, 1980. —pp. 96—98.
9. Цит. по: *Akcura Y.* Op. cit. —pp. 105-106.
10. *Agaev A.* Turk galeme // *Turk Yurdu.*—1911.—N 2—7; *Georgon F.* Des Ottomans aux Turks: Naissance d'une nation.—Istanbul, 1995. — p.13.
11. См. о съезде: *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII—начале XX веков.— С. 207—214; 1906 сэнэ 16—21 августта ижтимаг итмеш Русия муселманнарынын нэдвэсе. — Казань, 1906. — С. 3—5.
12. Там же. С. 14—15.
13. Там же. С. 106—110.
14. Там же. С. 115—118; 128—129.
15. Цит. по: *Аришаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. — Лондон, 1990. — С. 54—55.

17. Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. — Казань, 1906. — С. 2—7.
18. Там же. С. 8—10.
19. Политическая жизнь мусульман России до февральской революции. — Оксфорд, 1987. — С. 67—84.
20. Танг йолдызы. — 1906. — 18 мая.
21. Танг йолдызы. — 1906. — 29 мая.
22. См. подробно: *Хабутдинов А. Ю.* Исламский фактор в татарском общественном движении начала XX века // Ислам в Среднем Поволжье: История и современность: Очерки. — Казань, 2001.—С. 216–219; *Его же.* Первый татарский политик: Рашид Ибрагим // Идель.— 2000.—N 5.—С. 60–62; *Его же.* Богословие Нового времени: Риза Фахретдин // Идель.—2000.—N 7.—С. 50–52.
23. Пер. Н. Я. Катанова. См. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 618. Л. 36–38.
24. НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 365. Л. 13–14.
25. *Фэхретдин Р.* Ахмад Мидхат. — Оренбург, 1913. — С. 138.
26. *Фахретдин Р.* Дини вэ иджтимагый мэсьэлэлэр. — Оренбург, 1914. — С. 4, 67–68.
27. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 906. Л. 182.
28. Государственная дума: Стенографические отчеты: созыв 3: Сессия 3.—Ч. 1. —СПб., 1910. —Стб. 1992.
29. Государственная дума: Стенографические отчеты: созыв 3: Сессия 4.—Ч. 3.—СПб., 1911.—Стб. 3573
30. Государственная дума: Стенографические отчеты: созыв 3: Сессия 3.—Ч. 1. —СПб., 1910. — Стб. 1993.
31. *Габяши Х.-Г.* Муфассал тарихы кауме тюрки. — Казань, 1909. — С. 4.
32. Перевод цит. по: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 949. Л. 9– 10, 14.
33. Тормыш. — 1917. — 8 декабря.
34. См. концепции Идель-Урала: *Хабутдинов А.* Проект «Идель-Урал»: История и современность // Конфликт — Диалог — Сотрудничество. — 2001. — Бюллетень N 8. — С. 50—59; Тормыш.—1918.—5 января.